
З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

ILARIA TUTI

FIORI

SOPRA

L'INFERNO

И Л А Р И Я Т У Т И
**Ц В Е Т Ы
Н А Д А Д О М**

Перевод с итальянского
Елены Арабаджи

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.131.1
ББК 84(4 Ита)
Т91

Paola Tuti

FIORI SOPRA L'INFERNO

Перевод с итальянского: *Елена Арабаджи*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

Longanesi & C. © 2020 – Milano
Gruppo editoriale Mauri Spagnol
© Елена Арабаджи, перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящается Ясмин

И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбные моления,
Добыча гробовых гостей.¹

Шарль Бодлер

Мы ходим все по краю ада,
пристально глядя на цветы.

Кобаяси Исса (1763—1828)

¹ Перевод с французского здесь и далее В. Левика.

Австрия, 1978

Это место обросло нехорошими слухами. Из тех, что долго витают в округе, словно стойкий запах. Говорили, что на исходе осени, перед тем как снег придет на смену дождям, альпийское озеро издает зловещие вздохи.

Эти вздохи, испаряясь с зеркальной поверхности, отражающей небо, возносятся вверх к утренней дымке. Так рай заглядывает в ад.

И в окрестностях здания, построенного в конце девятнадцатого века на восточном берегу, раздается долгий, похожий на завывание, свист.

Школа. Так местные жители окрестили постройку. Хотя эти стены многое повидали на своем веку: императорская охотничья резиденция, нацистский штаб, туберкулезный санаторий для детей.

Большую часть года в облупившихся стенах с выцветшей штукатуркой стояла звенящая тишина, в которой эхом разносились редкие шаги. Но в ноябре здание заполняли вздохи, карабкавшиеся по окнам верхних этажей до искрившейся инеем покато́й крыши.

Впрочем, слухам и рассказам верят только слишком чувствительные души — старики-мелан-

Илария Тути

холики да малые дети. Агнес Браун прекрасно это понимала. Она служила в Школе слишком давно, чтобы тревожиться из-за ночных шорохов. Агнес различала скрип каждой половицы, бормотание каждой ржавой трубы за стеной. Хотя в большинстве помещений доступ преграждали наглухо заколоченные двери.

С тех пор как в здании разместился сиротский приют, государственные дотации оскудели, а частные пожертвования и вовсе сошли на нет.

Агнес прошла на кухню, гнездившуюся в подвальном помещении между складом и прачечной. Она толкала перед собой тележку, ловко обходя огромные кастрюли, из которых вскорости повалит густой пар. В этот сумеречный час она была совершенно одна. Компанию ей составляли только шмыгавшие из угла в угол крысы и подвешенные в морозильнике туши.

Чтобы подняться на первый этаж в крыло, находившееся на ее попечении, Агнес решила воспользоваться грузовым лифтом. С недавних пор она испытывала от служебных обязанностей непонятное беспокойство, напоминавшее скрытое недомогание, которое никак не может решить перерасти ему в болезнь или нет.

Громко скрипнув, лифт вобрал в себя Агнес с тележкой. Звякнули цепи с тросами, кабина пришла в движение и через несколько метров, резко качнувшись, встала. Агнес открыла железную дверцу. Бледно-синий коридор, весь в мокрых пятнах, с квадратными окнами по одну сторону убежал вперед длинной лентой.

Где-то постукивала оконная створка. Агнес оставила тележку и подошла прикрыть окно. Стекло

ЦВЕТЫ НАД АДОМ

замерзло и запотело. Протерев рукой окно, она выглянула в образовавшуюся прогалину. Рассвет бросал первые лучи на видневшуюся внизу деревню. Крыши домов казались крохотными свинцовыми квадратиками. Между деревней и Школой, на высоте тысячи семисот метров, в туманном мареве розовела недвижная гладь озера. Небо же было кристально ясным. Однако Агнес знала, что сегодня солнце не прогреет горный склон. Она поняла это еще утром, поднявшись с кровати с мигренью.

Клубившийся туман окутывал все вокруг: солнечный свет, звуки и даже запахи, усугублявшие ее и без того вялое состояние. Из этой серой массы, взбравшейся по заиндевелой траве, раздавались вздохи.

«Стоны мертвецов», — подумала Агнес.

Это был буран, который пришел с северо-востока. Преодолев тысячи километров от родных степей, он обвевал расщелины, трепал насыпь у кромки леса и бесновался в пересохшем русле, а затем со свистом обрушивался на горный склон.

«Это всего лишь ветер», — повторила женщина.

Настенные часы пробили шесть. Было поздно, но Агнес не сдвинулась с места. Она медлила. И понимала, почему.

— Мне показалось, — пробормотала она. — Мне просто показалось.

Агнес взялась за холодную сталь тележки. Контейнеры задрезбужали, едва она сделала несколько шагов по коридору к последней двери.

Ясли.

От неожиданной мысли резко свело желудок: а ведь это и есть самые настоящие ясли. По крайней мере, в последние недели там кипела странная,

Илария Тути

непонятная работа. Будто куколка готовилась выбраться из своего кокона. Агнес была в этом уверена, хотя и не могла объяснить, что именно происходит за этой дверью. Она не сказала об этом ни слова даже управляющему: тот бы принял ее за сумасшедшую.

Опустив руку в карман, она нащупала грубую ткань капюшона. Достала его, надела на голову. Из-за тонкой сетки, скрывавшей глаза, внешний мир утратил четкие очертания. Входить только в капюшоне было непреложным правилом.

Агнес вошла.

В комнате царил полная тишина. Чугунная печка с потрескивавшими углями возле двери излучала приятное тепло. Кровати стояли в четыре ряда по десять в каждом. Никаких имен на табличках — только цифры.

Ни плача, ни вскрика. Агнес знала, что ей предстоит увидеть: пустые, потухшие глаза.

Во всех кроватках, кроме одной.

Привыкнув к тишине, она различила слабый шорох: в последнем ряду он сучил ножками, набираясь сил. Готовился. Вот только к чему? Наверное, она сходит с ума.

Шаг за шагом она приблизилась к кроватке под номером тридцать девять.

В этом существе, в отличие от остальных, жизнь была ключом. Его внимательные глаза неотступно следили за каждым ее движением. Агнес понимала, что он ищет ее взгляд под сеткой капюшона. В смущении она отвела глаза. Номер Тридцать девять знал о ее присутствии, хотя и не должен был.

Удостоверившись, что никто не видит, женщина протянула палец. Тридцать девятый укусил ее,

ЦВЕТЫ НАД АДОМ

крепко стиснув десны. Его взгляд стал одержимым. Он жалобно всхлипнул, когда Агнес, чертыхнувшись, отдернула руку.

«Значит, ты у нас хищник»,— подумала она.

Увидев то, что произошло минутой позже, Агнес решила больше не держать при себе некоторые мысли.

Вокруг номера Тридцать девять все зашевелилось. Остальные создания учащенно задышали, словно в ответ на немой призыв. В Яслях кипела жизнь.

Однако, возможно, ей только показалось.

Наши дни

Мертвая ворона валялась у края тропинки: рас-трепанные перья с фиолетовым отливом, разинутый клюв. Под вздутым брюхом виднелось кровавое, уже высохшее, несмотря на влажность, пятно.

Видимо, птица лежала здесь давно — один стеклянный глаз уставился в тяжелые облака, сулившие снег, а второго и вовсе не было.

Матиас, присев на корточки, уже довольно долго ее рассматривал. Ему было интересно, покидают ли блохи тело, когда сердце перестает биться. Он слышал об этом от одного охотника, и эта мысль, занятная и притягательная, долго не давала ему покоя.

Он тронул мертвую птицу пальцем. Ворона оказалась старой. Он понял это по белесому, лысому клюву. Скрюченные когти на окоченевших лапах застыли в воздухе.

Матиас сразу же вытер перчатку о штаны. Если о том, что он засмотрелся на падаль, узнает отец, ему не поздоровится. Тот всегда ругался, застав его за разглядыванием дохлых мелких животных в саду или в роще за домом. Даже обзывал непонятным нехорошим словом. Матиас пытался найти его в словаре.

ЦВЕТЫ НАД АДОМ

Но обидное слово вылетело из головы: оно было как-то связано с «сумасбродством».

Матиас хотел стать ветеринаром и не упускал возможности узнать что-нибудь новое. «Наблюдай, и многому научишься,— сказал однажды дедушка.— Остальное придет методом проб и ошибок».

Мальчик поднялся, не сводя глаз с мертвой птицы. Сначала ему хотелось ее похоронить, но затем он передумал: хищная природа, изголодавшаяся по таким останкам, найдет им лучшее применение.

Церковные колокола прозвонили половину третьего. Было поздно, остальные уже ждали его в тайном месте.

Он заспешил по скользкой тропинке. Сегодня утром деревня Травени проснулась под белоснежным покрывалом. И хотя снег сразу же растаял, все говорило о том, что лыжный сезон не за горами.

Он дошел до горного склона неподалеку от деревни. Среди низкорослых сосен и елей виднелся памятник павшим в сражениях с Наполеоном. Бронзовый гренадер с лихо закрученными усами сурово всматривался вдаль. На штыке развевался синий шарф: значит, кто-то уже залез туда и вывесил условный знак.

Матиас ускорил шаг. Утром в школе им объяснили значение слова «лидер». Оно запало ему в голову. Мальчику нравилось его решительное звучание, но еще больше нравилась мысль о том, чтобы вести за собой остальных.

«Лидер защищает своих товарищей»,— сказала учительница. Матиас именно так и поступал. Он был вожаком среди друзей не только в силу возраста (ему уже исполнилось десять лет, два месяца и семь

дней), но и потому, что на него всегда можно было положиться.

Поэтому на памятнике должен был развеяться его шарф, а не Диего. Ему следовало прийти первым и помочь остальным — хотя все ребята прекрасно знали дорогу. Вместо этого он замешкался, разглядывая мертвую ворону. Наверное, отец прав на его счет.

В этом месте скалы уходили вниз, к руслу горной речки. В каньоне, на глубине нескольких десятков метров, рокотала вода.

Матиас начал спускаться по крутой тропинке. Чтобы наверстать упущенное время, он спешил и хватался за ограждение всякий раз, когда под ногами рассыпался щебень. Спуск он закончил на трясущихся ногах, с пылающим лицом и запыхавшись.

Не мешкая он двинулся вдоль старой петляющей речки. Щебенка чередовалась с железными и деревянными ступеньками, примыкавшими к скалам. От отливавшей изумрудным воды пахло льдом. Сюда не проникал ни солнечный свет, ни тепло.

Прислушиваясь к собственному дыханию и стуку сердца, Матиас вдруг понял, что вокруг никого нет. В это время года туристы предпочитали лыжные трассы: внизу было слишком холодно и небезопасно.

Без явной на то причины он ускорил шаг. Вверху, над кронами елей, на высоте шестидесяти метров кусочек неба прорезал старый железнодорожный мост, который полтора века назад строил еще его прапрадед.

Не глядя под ноги, Матиас поскользнулся на заледенелом камне, упал и разбил коленку. Вслед за его удивленным возгласом из леса донесся какой-то шум. Глухой крик. Испугавшись, он обернулся.

ЦВЕТЫ НАД АДОМ

«Лес — не место для детских игр»,— пришли на ум мамины слова.

Поднявшись, он не взглянул ни на разорванные джинсы, ни на саднившие под шерстяными перчатками ладони. По ступенькам обошел выступающую скалу. С одной стороны — мох, с другой — водоворот. Дальше тропинка ныряла в небольшой грот. Матиас пробежал эти темные метры, убеждая себя, что им движет не страх, а спешка. Выбравшись наружу, он остановился. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь толщу деревьев, окрашивал золотом землю. Небольшой водопад над речкой грохотал по камням, рассыпая по сторонам водяную пыль. Когда летом в ущелье пробиралось солнце, над водопадом переливалась радуга.

На каменистом берегу, усевшись полукругом, его уже поджидали друзья: Лючия, Диего и Оливер.

Увидев их, Матиас вмиг забыл обо всех своих страхах. Его губы тронула улыбка. Сзади никого не было. Никто не шел за ним по пятам.

Он с вызовом обернулся на мрачный грот. Победа на его стороне, он — лидер. И тут его улыбка погасла.

Сомнения растаяли.

В темноте кто-то был, и этот кто-то за ним наблюдал.